

© — ОЛЯ — 1991

В. Е. БАГНО
**ГЛУПЕЦ НАРОДНЫХ СКАЗОК
КАК АРХЕТИП ОБРАЗА ДОН КИХОТА**
(К постановке проблемы)

Литература о «Дон Кихоте» настолько обширна, а роль народной культуры и народного мировидения в романе Сервантеса настолько очевидна, что нет ничего удивительного в обилии исследований, посвященных проблеме его фольклорных источников. Разыскания в этой области Менендеса и Пелайо, Менендеса Пидала, в последние десятилетия М. Мольо, М. Шевалье и многих других, а из отечественных ученых — А. Н. Веселовского и Е. М. Мелетинского оказались чрезвычайно плодотворными. Вполне естественно, что круг выявленных мотивов и реминисценций затрагивает прежде всего образ Санчо Пансы и некоторые ситуации анекдотического характера. Вполне естественно также, что образ Дон Кихота, «книжного» героя, казался наименее близким фольклору. Сказывалась, по-видимому, и магия философско-психологических интерпретаций романа, непереносимое присутствие в нашем сознании «высокой» линии донкихотства, блистательно обоснованной братьями Шлегелями, Г. Гейне и Тургеневым.

Думается, однако, что фольклорный источник истории о сумасшедшем стоит прежде всего искать в народных сказках и анекдотах о дураках.

О функциях сказок и анекдотов о дураках, равно как и о плутах и шутах, в литературе позднего средневековья и о том огромном влиянии, которое они оказали на становление и развитие европейского романа, писал М. М. Бахтин [1, с. 311—314]. Он отмечал меняющуюся позицию автора в романе нового времени, разоблачающем всяческую конвенциональность. Автор отныне, согласно Бахтину, используя маски дурака, шута и плута, получает возможность не понимать, передразнивать, не быть самим собой. С другой стороны, в трансформированном виде дурак, которому свойственны бескорыстная простота и здоровое непонимание, нередко становится одним из главных героев романа. Однако Бахтин основное внимание уделяет функциям в романе образов плута и шута, а не дурака и на анализе «Дон Кихота» подробно не останавливается.

Наша гипотеза сводится к тому, что образ, созданный фантазией испанского писателя, возник первоначально на пересечении трех сказочных сюжетов о глупцах: 1) «Мнимый богатырь»; 2) «Набитый дурак»; 3) «Дурак делает покупки» [2, № 168]. При этом речь должна идти не о конкретных деталях сюжета, а об основных мотивах, лежащих в основе тех или иных сказок о глупцах, позволяющих говорить о них как о различных сказках родственного типа. Интересующие нас сказки входят в международный сказочный фонд, поэтому наивно было бы полагать, что мы сможем определить, какой именно вариант был известен Сервантесу, когда и где он с ним познакомился, знал ли он его с детства или узнал лишь в зрелые годы, слышал его в Испании, Италии или в Алжире.

Сказка «Мнимый богатырь», или «Мышиный герой», получила мировую известность в обработке братьев Grimm под названием «Храбрый портняж-